

Московской губернии, не приносивший дохода», который упомянут им в «анкете арестованного» [3, с. 181].

Оговоренный в пользу Н. Н. Дурново дом в Парфенках явочным порядком занял Василий. Общий размер убытков от купли-продажи — 10.000 руб. Убыточной оказалась и продажа инвентаря и скота [60, л. 126], ничего не получил Н. Н. Дурново и при разделе московских и парфенковских вещей. Его письмо, написанное отцу в 1914 г., полно горьких упреков и свидетельствует о сложных родственных отношениях, не вдруг возникших: «Почему Вы, папа, никогда не вступаетесь за меня? Почему во всем меня обходят и обманывают?... я все время должен был отказывать себе, чтобы купить необходимое в хозяйстве... у меня силы уже не те стали... и Вы не торопитесь!.. При своем плохом здоровье не заниматься как следует, ни отдыхать не могу, мне нельзя долго ждать» [11, л. 185—186].

В том же году завершилась постройка собственного дома в Уварцево, на который как на оплот будущего благосостояния детей возлагает надежды Екатерина Евгеньевна [60, л. 126].

В феврале 1915 г. умер Ф. Е. Корш. Председателем МДК стал Д. Н. Ушаков, а Н. Н. Дурново — его товарищем (заместителем) и после летних каникул, несмотря на высказанные в письме А. И. Белецкого опасения харьковских друзей, знавших его «непрактичность» [68, л. 28], остался в Москве. Кончилось, по выражению Д. Н. Ушакова [82, л. 159], «харьковское томление» Н. Н. Дурново.

В Московском университете у Н. Н. Дурново, судя по заполненной в 1916 г. анкете, лишь 4 часа практических занятий в неделю, за которые он получал 400 р., приват-доцентское вознаграждение — 82 р., гонорар (неопределенный) и около 2.000 р. внеуниверситетского годового заработка при бюджете, обеспечивавшем успешную научную работу в 1914—1915 гг. — 3.500 р., а в 1915—1916 гг. — около 6.000 [38, лл. 30—31]. Из переписки Н. Н. Дурново с Б. М. Ляпуновым, Е. Ф. Будде, С. М. Кульбакиным следует, что в 1916—1918 гг. он искал возможности преподавать в Одессе ли, в Казани или в Харькове [77, лл. 28, 29; 68, л. 110; 48, л. 85]. Но в конце концов, пройдя по конкурсу на профессорскую должность в открывшемся университете, в начале 1918 г. он уехал вместе с семьей и отцом в Саратов. Здесь он преподавал на Высших женских курсах, активно участвовал в работе «Философско-исторического общества» и «Общества русской филологии и этнографии». Тяжелая малярия, поставившая Н. Н. Дурново вновь на грань жизни и смерти [38, д. 73, лл. 172, 175] и начавшийся голод в Поволжье возвратили его в Москву, несытую, но с давним другом и соратником Д. Н. Ушаковым, с МДК, хотя было предложение Н. Н. Соколова переселиться в более благополучный Воронеж [80, л. 89].

Жизнь и научная деятельность Н. Н. Дурново после возвращения летом 1921 г. в Москву вплоть до трагического конца 27 октября 1937 г. обстоятельно рассмотрена в уже указанных работах Ф. Д. Ашнина и В. М. Алпатова [2, 3] и М. А. Робинсона и Л. П. Петровского [5], к которым и отсылаем заинтересованного читателя. А сами обратимся к еще одной стороне дореволюционной деятельности Н. Н. Дурново.

Распространен взгляд на Н. Н. Дурново как на чуждого общественно-политическим страстям своего времени кабинетного ученого.

В известной мере оно базируется на заполненной 29 декабря 1933 г. самим Н. Н. Дурново анкете арестованного, где, в частности, написано: «В партиях не состоял. В политических выборах не участвовал. Политической деятельностью не занимался» (цитируется по: [2, с. 54] и [3, с. 18]). Однако в протоколе допроса 31 декабря сказано иначе: «Был членом „Союза 17 октября“ в 1906 г. В 1907 г. отошел от практической работы ввиду несогласия с программой» [2, с. 56] и [3, с. 19]. Возникает вопрос: где истина, характеризуют ли взаимоисключающие ответы состояние ученого в разные периоды его жизни или на допросе имел место самооговор допрашиваемого?

Материал семейного архива Дурново позволяет ответить однозначно: Н. Н. Дурново-младший не был в отличие от отца — Н. Н. Дурново-старшего — членом партии «Союз 17 октября», но разделял в какой-то период ее идеи.